

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 341.492.2

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-754-765

ФЕНОМЕН КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ЕЕ ДИСКУРСЕ И ИСТОРИОГРАФИИ

THE PHENOMENON OF IDENTITY CRISIS OF AMERICAN POLITICAL SCIENCE IN ITS DISCOURSE AND HISTORIOGRAPHY

А.И. Корюшкин

A.I. Koryushkin

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

Sankt Petersburg State University,
7/9 University Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

Email: a.koryushkin@spbu.ru

Аннотация

Объектом анализа статьи является феномен кризиса идентичности современной политической науки, обнаруживаемый автором на различных этапах исторической эволюции американской политической науки, в ее дискурсе и историографии. Предложенная здесь интерпретация истории политической науки как истории поиска ее идентичности позволяет проследить исторические метаморфозы политико-научной идентичности политической науки через призму понятий научной состоятельности и политической релевантности науки о политике, неполнота или неадекватный характер воплощения которых неоднократно становились причиной кризисов идентичности американской политической науки в ходе ее исторического развития. Представленный в статье исторический анализ как онтолого-эпистемологических, методологических, так и политико-институциональных факторов возникновения кризисов идентичности американской политической науки может быть значимым в осмыслении проблем и кризисных явлений современной политической науки в целом.

Abstract

The paper's analysis is aimed at the phenomenon of identity crisis in contemporary political science being revealed by the author at the different stages of historical development of American political science, in its discourse and historiography. Interpretation of the history of political science as a search for its identity suggested here makes it possible to trace historical metamorphoses of politico-scientific identity crisis through the prism of the notions of scientific soundness and political relevance of the science of politics. Incomplete or inadequate embodiment of such necessary requirements of political science repeatedly caused the identity crises of American political science in the course of its historical development. Historical analysis of ontological-epistemological, methodological and politico-institutional factors of emergence of the identity crises in American political science presented here might be significant for comprehending problems and crisis phenomena in contemporary political science as a whole.

Ключевые слова: американская политическая наука, кризис идентичности, сравнительно-исторический метод, бихевиорализм, постбихевиорализм, сциентизм, методологический тоталитаризм, политическая релевантность.

Keywords: American political science, identity crisis, comparative-historical method, behavioralism, postbehavioralism, scientism, methodological totalitarianism, political relevance.

В опубликованной под эгидой Международной ассоциации политической науки (МАПН) в 2012 году коллективной монографии «Мир политической науки. Критический обзор развития политических исследований в мире: 1990–2012» канадский политолог Джон Трент, бывший генеральный секретарь МАПН, характеризуя бурный рост и развитие политической науки в мире конца XX – начала XXI веков как процесс, свидетельствующий о ее все большей интеллектуальной и профессиональной зрелости, вместе с тем указывает на такую ее комплексную проблему, как наличествующие здесь, дихотомические по сути, онтолого-эпистемологические и методологические, как он пишет, «напряжения» между объективным и нормативным, количественным и качественным, научным и реально-практическим подходами к изучению политики, в результате кризисного проявления которых в сочетании с очевидной тенденцией фрагментации науки о политике под вопрос может ставиться как дисциплинарная идентичность политической науки, так и ее политическая релевантность [The World of Political Science..., 2012]. В прошлом, 2018 году на подобные проблемы кризисного характера обратил внимание и журнал «Политическая наука», где в весьма актуальной содержательной статье немецкого политолога Вернера Патцельта «Переживает ли политическая наука кризис?» [Патцельт, 2018, с. 68] дается фактически утвердительный ответ на вопрос, вынесенный в ее название. При этом достаточно точно формулируемые и анализируемые автором кризисные симптомы политической науки – сциентистская рутинность, политический оппортунизм, дефицит исторического холизма, западный этноцентризм – излагаются им вне времени и пространства, без указания на их историческое происхождение и развитие. Здесь утверждается, что такие «кризисы далеко не всегда легкоузнаваемы или драматичны. Надвигающиеся и долгое время остающиеся незаметными, кризисы особенно опасны. Кризис возникает, когда нежелательные события объединяются в некую совокупность, хотя поначалу они были безвредны и не слишком связаны между собой. Таким образом, заблуждения закрепляются как самоочевидности и направляют изменения в порочное русло. В итоге развивающаяся система может впасть в кризис или даже оказаться в тупике» [Патцельт, 2018, с. 69]. В действительности же такие кризисы отнюдь не остаются незаметными. Их анализ уже десятки лет широко представлен как в историческом дискурсе современной американской политической науки, так и в ее историографии. При этом наиболее эвристичным в историческом анализе кризисных явлений в политической науке представляется их рассмотрение не в рамках кризиса как такового, а через призму понятия кризиса ее политико-научной идентичности, что и будет предпринято в данной статье.

Само название научной дисциплины, посвященной изучению политики – политическая наука – предполагает, как вскоре обнаружили американские политологи, таким образом назвавшие свои исследования, необходимость его теоретико-методологического обоснования, разрешения двух фундаментальных проблем политической науки, заложенных в самом ее названии: в каком смысле и насколько такая наука является наукой? И в каком смысле и насколько такая наука является политической? Таким образом, идущее вот уже второе столетие развитие современной политической науки сопровождается непрерывной чередой попыток ответа на эти два основополагающих вопроса, в совокупности составляющих исторический процесс поиска себя, то есть собственной идентичности в качестве политической науки. При этом в центре внимания истории политической науки как ее специализированной научно-академической субдисциплины оказываются такие важнейшие проблемы политической науки, как наличие в ней существенных разногласий относительно предмета и метода политической науки, проявление глубоких противоречий между требованием научной объективности политической науки и имманентной ценностной нагруженностью исследований политологов, между абстрактно-научным характером

политической теории и политическим требованием релевантности политической науки, присутствие здесь часто взаимоисключающих суждений относительно функций и роли политической науки и влияния политики на нее, и многие другие проблемы, конкретно-историческая мера адекватности разрешения которых может выступать в качестве критерия как идентичности, так и кризиса идентичности политической науки. Таким образом, именно в истории политической науки, интерпретируемой как история поиска ее идентичности, а также в историографии истории политической науки можно найти признаки и содержательные характеристики как относительной успешности такого поиска, так и его кризисного состояния на различных этапах развития американской политической науки.

Уже в начальный период формирования и развития американской политической науки последней трети XIX века, определяемый Дэвидом Истоном как формально-правовой [Easton, 1993, p. 292], среди американских политологов преобладало представление о том, что сравнительно-исторический метод, и особенно в его сциентистской интерпретации, имеет статус научного. Действительно, «будучи поражены достижениями естественных наук, они верили, что обретение большего (или «истинного») знания в политической сфере возможно посредством применения образов мысли и методов исследования, которые так эффективно продемонстрировали свою мощь в таких областях, как физика и биология. Приверженность сциентизму плюс вера в то, что политическое аналитически и в какой-то степени эмпирически выделимо из общего социального поля, плюс наличие институтов и ресурсов, необходимых для постижения научного знания о политическом, – все это составило основу новой американской политической науки» [Waldo, 1975, p. 28]. Здесь господствовал институциональный подход к изучению политики, предметом исследования которого являлись как самый феномен государства, так и его институты. В течение этого, формально-правового этапа политологи исходили из убеждения о принципиальном соответствии конституционно-правовых норм, законов, определяющих содержание функционирования институтов государства, и их реальной деятельности.

Следующий этап развития американской политической науки, датируемый двумя первыми десятилетиями XX века и определяемый как «традиционный», интерпретируется Д. Истоном как преодолевающий формально-правовой характер институционального подхода. В этот период стало очевидно, что «вокруг формальных структур политических должностей и институтов существует многообразие видов неформального поведения, способных влиять на процесс принятия решений. У. Бэйджхот, В. Вильсон и другие обнаружили их в неформальных комитетах законодательных собраний своих стран и в политических партиях. Позднее к списку неформальных институтов, которые следовало принять во внимание, добавились группы интересов или группы давления» (Easton, 1993, p. 292). Так, В. Вильсон понимал науку о политике как тщательное и детальное наблюдение политических процессов, в результате чего уроки опыта, поступаая в сознание, преобразуются в действительные цели и, став предметом дискуссии и отбора, обретают наконец форму конкретного закона [Wilson, 1911, p. 10]. Таким образом, на этом этапе американская политическая наука, в значительной своей части приверженная в этот период идеям прогрессизма и демократии, продолжала развитие своей идентичности как в рамках эмпирико-реалистической трактовки сравнительно-исторического метода, так и в более широких рамках исследования на базе эмпирического наблюдения политики, техники опросов и измерений политических процессов. В этот период «политическая наука понималась как практическая наука. Каждый значимый аргумент в пользу установления научной чистоты и объективности имел, прежде всего, инструментальный характер утверждения идеи о том, что авторитет знания вправе претендовать на политический авторитет» [Mongoe et al, 1990, p. 36], что определяло здесь в целом адекватную конкретно-историческую меру политико-научной идентичности американской политической науки.

Вместе с тем, как отмечал Д. Истон, «исследовательские методы, характерные для традиционного этапа развития политической науки, не менее неформальны, чем теоретические основы изысканий. Специализированные методики сбора и анализа данных ис-

пользовались крайне мало. Проблема методов практически не ставилась, то есть методы не рассматривались как нечто, требующее особого внимания и навыков. Собрать и анализировать информацию мог любой. В результате отсутствовали какие-либо формальные приемы проверки достоверности собранной информации, а также оценки основанных на такой информации интерпретаций. Кроме того, зачастую было трудно понять, выражает ли исследователь собственные предпочтения или действительно пытается описать, как функционируют политические институты и как ведут себя люди, занимающиеся политикой. Суждения о должном и сущем неразрывно переплетались друг с другом. Факты и ценности аннигилировали друг друга» [Easton, 1993, p. 293].

Именно столь низкая планка научного ригоризма эпистемологических и методологических оснований политической науки того времени, когда в ходе первой в истории мировой войны науки, порождающие власть (естественные и точные науки), превзошли в своей мощи науки, контролирующие власть (социальные и гуманитарные науки), и подвигли американских политологов и, прежде всего, Чарльза Мерриама как основателя и главы Чикагской школы политической науки к радикальному пересмотру таких оснований, которые можно обозначить как начальный этап кризиса идентичности политической науки этого периода развития политической науки и попытки его преодоления. Сформулировав задачу создания «новой науки о политике», Ч. Мерриам предложил в своей книге 1925 года «Новые аспекты политики» существенную перестройку методов политического исследования с целью достижения более значимых результатов в разработке теории политики и внедрения ее результатов в политическую практику, что обеспечило бы, по его мнению, «сведение к минимуму негативных последствий человеческих действий, высвобождение политических возможностей в человеческой природе, возможность избегать войн и революций, способность преодолевать распри между индивидами и классами» [Merriam, 1925, p. XVI]. Под руководством Ч. Мерриама в Чикагском университете были предприняты серьезные систематические усилия по приданию политической науке более строгого научного статуса. Подавляющее количество наиболее значимых политологических исследований 1920–30-х годов было выполнено представителями именно этой научной школы, которая также воспитала значительное число лидеров будущей бихевиоральной революции в политической науке. Вместе с тем, характеризуя деятельность политологов Чикагской школы политической науки этого периода, Роберт Даль называет их радикалами и революционными сектантами, бросившими вызов все еще господствовавшей тогда традиционной политической науке с ее историческими, философскими и описательно-институциональными методологическими подходами к изучению политики и утверждавшими новое научное мировоззрение в политической науке [Dahl, 1961, p. 764].

Но прежде всего Ч. Мерриам «был заинтересован в демократии, он стремился к тому, чтобы поставить науку на службу демократическим принципам. Он не ощущал несовместимости в одновременном следовании целям науки и демократии. Исторический контекст того времени позволял рассматривать эти две цели как совместимые, если не в качестве одной и той же цели. И американская демократическая политическая мысль, и философия прагматизма, наиболее влиятельные в тот период, рассматривали демократию в качестве существенного фактора научного прогресса, а науку – как средство усиления демократии: обе нуждаются в использовании экспериментов, в честном исследовании действительности, в общественном тестировании явлений на истинность» [Waldo, 1975, p. 49]. Как это ни парадоксально, в будущем, в ходе бихевиоральной революции, и даже в наше время такое одновременное следование целям и науки о политике, и демократии станет еще одним, весьма серьезным симптомом кризиса идентичности современной политической науки.

Сама же бихевиоральная революция в политической науке 1950–60-х годов явилась, по мнению Клайда Барроу, кульминацией парадигмального сдвига в исследовании политического, начатого еще в 1920–1930-е годы [Barrow, 2008, p. 576]. Эта революция интерпретируется им, в рамках концепции Томаса Куна, как «научная революция», по-

сколькo фокус внимания базовой парадигмы дисциплины смещается при этом с государства в духе германской традиции *Staatswissenschaft* к политической системе, а ее методологической основой становятся методы, заимствованные из естественных наук. «Основная методологическая идея бихевиорализма состояла в том, что единообразия в политическом поведении могут быть обнаружены и выражены в виде обобщений, и что такие обобщения должны тестироваться наблюдаемыми формами политического поведения, такими, как голосование, общественное мнение или процесс принятия решений» [Barrow, 2008, p. 313]. При этом научный метод, отстаиваемый позитивистски ориентированными политологами и философами, заключается в процедуре, «которая начинается с формулирования гипотезы, затем следует процесс эмпирической верификации или проведение экспериментов, которые приводят к фальсификации или верификации изначальной гипотезы» [Barrow, 2008, p. 312]. Вместе с тем Д. Истон был убежден, что бихевиоральное движение представляет собой нечто большее, чем лишь акцент на научном методе. Главным, что отличает новую, поведенческую политическую науку от старой, традиционной, является, утверждал он, новая, эмпирическая теория, научным идеологом и горячим сторонником которой он оставался на протяжении всей своей творческой жизни. «Новая теория, – писал он, – стремится быть аналитической, а не содержательной, скорее объясняющей, чем этической, более общей и менее частной» [Easton, 1965, p. 22]. Он полагал, что, обретя более совершенные технические средства исследования, новая эмпирическая теория обещает раскрыть «полный смысл и значение поведенческого подхода в политической науке» [Easton, 1965, p. 23].

Так, уже в 1961 году знаменитая статья Роберта Даля «Бихевиоральный подход в политической науке. Эпитафия для памятника успешному протесту» [Dahl, 1961] подвела своеобразный промежуточный итог становления и развития поведенческого подхода в качестве господствующего в американской политической науке. На протяжении всех 1960-х годов сторонники этого подхода занимали все более лидирующие позиции в Американской ассоциации политической науки, в редакциях наиболее влиятельных политологических журналов, на кафедрах политической науки ведущих американских университетов, утверждая при этом бихевиоральный подход в качестве единственно научного.

Утверждавшаяся таким образом своеобразная гегемония такого позитивистски ориентированного подхода в американской политической науке вызвала здесь резкую критику. «Справа», с научно-консервативных позиций, такого рода методологический гегемонизм подвергся критике со стороны группы авторов во главе с Лео Страуссом, отрицавших в сборнике статей «Эссе о научном изучении политики» 1962 года [Essays... 1962] бихевиорализм в качестве легитимного научного подхода, и утверждавших, что, по сути, политическая наука тождественна политической философии. С критикой бихевиорализма «слева», с принципиально либеральных позиций выступила группа американских политологов в сборнике «Аполитичная политика. Критика бихевиорализма» 1967 года [Apolitical Politics..., 1967], в статьях которого анализируются и оспариваются консервативные идеологические основания бихевиорализма. При этом основные критические аргументы сборника эссе «Аполитичная политика» легли в основу деятельности «Движения за новую политическую науку», возникшего в Чикаго в сентябре 1967 года на очередном ежегодном конгрессе Американской ассоциации политической науки. Авторы сборника указывают на три основные проблемы, составляющие, по их мнению, своеобразный «бихевиоральный синдром». Они указывают, во-первых, на идеологический консерватизм поведенческих исследований, имплицитно содержащих оправдание статус-кво американской социально-экономической и политической системы, в результате чего политологи-бихевиоралисты, вопреки их претензии быть вне политики, оказываются вовлеченными в нее, обеспечивая идеологическую защиту существующего политического порядка. Во-вторых, авторы сборника обнаруживают в бихевиоральной литературе положительную характеристику и рационализацию «неучастия не-элит» и даже оправдание неучастия в выборах как якобы необходимого условия для поддержания равновесности системы, что очевидно противо-

речит изначальной ориентированности американской политической науки на изучение и совершенствование демократии и ее самоидентификации в качестве науки о демократии. В-третьих, утверждают они, критерием выбора тем исследований политологов-бихевиоралистов зачастую оказывается не их политическая значимость, а мера применимости поведенческой методологии к изучению той или иной проблемы, а также наличие по этой проблеме широкой базы данных, в результате чего бихевиоралисты оказываются заложниками собственной методологии, предполагающей ценностную нейтральность политологических исследований и их ориентирование на применение все более изолированных количественных методов, при этом делая их все более узкими, тривиальными и аполитичными по содержанию [Apolitical Politics..., 1967]. В то же время авторы сборника отмечали большую роль бихевиорализма в развитии политической науки, использующего все более строгие научные методы исследования, ориентирующего исследование на построение политической теории и применяющего в них методы и научные данные социологии, антропологии, психологии и экономической науки. Однако вместе с тем они считали современное им поколение политологов-бихевиоралистов поколением «методологических экстремистов», выдвигавших методологические требования, намного более радикальные, чем те, что отстаивали такие основатели поведенческого подхода, как Ч. Мерриам, В.О. Ки и Г. Лассуэлл. Апеллируя к авторитету этих грандов политической науки, бихевиоралисты 1960-х очевидным образом игнорировали их базовые постулаты и, в частности, их приверженность идее совершенствования демократии.

Сущность такой «бихевиоральной ортодоксии» Майкл Паренти, один из лидеров «Движения за новую политическую науку», отразил в следующих ее характеристиках: (1) бихевиоралисты, отказавшись от идеографического знания в пользу номотетического, сосредоточили свое внимание на процессуальных аспектах политического как наиболее эффективно формализуемых и поддающихся квантификации, опуская при этом его содержательные и сущностные аспекты; в этом случае политические процессы, лишённые своего конкретного содержания и сущностного смысла, истолковываются абстрактным, внеисторическим образом, в то время как конкретно-историческое знание много более значимо и сущностно информативно, чем обобщенные паттерны поведения и процесса; (2) закономерным результатом совершенствования и усложнения методов бихевиоральных исследований, поскольку само требование научной строгости метода по необходимости ограничивает круг и характер исследуемых проблем, становилась ориентированность таких исследований на все более узкие в своих рамках, менее значимые проблемы, в силу чего – утверждает М. Паренти – «интеллектуальная гора рождает мышшь»; (3) научно-формальные признаки и наукообразность стилистики бихевиоральных исследований создают впечатление, что они являются более строго научными, чем в действительности; кроме того, бихевиоралисты, стремясь создать впечатление научной нейтральности, зачастую избирают политически нейтральные, непротиворечивые объекты и темы своих исследований, в результате чего вместо нейтрализации позиции самих исследователей нейтрализуется и потому искажается сам предмет научных исследований политики; (4) концентрация внимания бихевиоралистов на абстрактно интерпретируемом политическом процессе означает, по сути, игнорирование значения социальных эффектов конкретных политических курсов, анализ которых предполагает, по их мнению, вынесение определенных ценностных суждений, которых они хотели бы избегать; в действительности же, имеет место принципиальное различие между (а) вынесением ценностных суждений об эмпирических явлениях и (б) эмпирическим исследованием ценностно-нагруженной, по сути своей, политической деятельности; а это означает, пишет М. Паренти, что на самом деле желание избежать первой стороны этого различия не должно приводить к игнорированию второй его стороны; (5) большинство бихевиоральных политологических исследований основано на допущении, что как процесс, так и результаты функционирования политической системы имеют в целом позитивный характер, что чем выше способность системы оценивать, предсказывать и контролировать поведение людей, тем лучше, в резуль-

тате чего такие исследования имеют, по сути, апологетический характер, а сама политическая наука фактически ставится на службу правящему режиму, военно-промышленному комплексу и крупнейшим бизнес-корпорациям [Parenti, 1983, p. 192–193].

Что же касается причин возникновения кризисов в политической науке и, в частности, кризиса, связанного с бихевиорализмом, некорректным, надо полагать, является утверждение В. Патцельта о том, что те самые «надвигающиеся и долго остающиеся незаметными кризисы» или, как он пишет, «трудности» «обусловлены внутренними проблемами политической науки» [Пальцельт, 2018, с. 69]. Так, Д. Истон отмечал в своей статье «Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее», что бихевиоральная революция в действительности «явилась следствием сложного комплекса тенденций. Отчасти ее причиной послужила естественная эволюция самой науки. Традиционная политическая наука с ее поверхностным, основанным на здравом смысле стилем исследования, с ее привязанностью к историческим описаниям и тенденциозностью, попросту себя исчерпала. Развивающееся массовое индустриальное общество не могло опираться на столь ненадежные объяснения при решении своих проблем. Слишком многое оставалось неясным в понимании политических институтов и процессов. Дополнительным стимулом к развитию политической науки стали и необычайные успехи в области познания, достигнутые естественными и некоторыми социальными науками (например, психологией и экономической наукой), использующими более строгие методы сбора и анализа данных. Продемонстрировав возможность альтернативных подходов, они подтолкнули политическую науку к отказу от «здорового» смысла и к замене его смыслом научным, когда проблематика исследования определяется не столько социальными, сколько теоретическими критериями, а на смену сугубо описательным, основанным на том самом «здоровом» смысле, приходят особые технические навыки» [Easton, 1993, p. 296]. А это означает, что кризисное состояние научной идентичности политической науки в процессе преобразования традиционной политической науки в бихевиоральную было вызвано не только эндогенными, но и экзогенными, внешними факторами развития политической науки. В качестве еще одного такого внешнего фактора Д. Истон называет период маккартизма, когда в США в 1950-е годы осуществлялся психологический и правовой террор против либералов и прочих инакомыслящих. «Обществоведы оказались особенно уязвимыми перед лицом этого натиска. И маккартистам удалось загнать в подполье интерес к социальным преобразованиям и критической теории. В такой ситуации объективные, беспристрастные и ценностно-нейтральные исследования оказались той защитной нишей, в которой ученые могли укрыться от опасностей открытой политической борьбы, не поступаясь интеллектуальной совестью и даже не без пользы для себя. В результате обществоведы обратились к менее политически рискованной области – фундаментальным исследованиям, а это, как оказалось, пошло на пользу политической науке» [Easton, 1993, p. 296].

Столь же двойственным, экзогенно-эндогенным по своему характеру, стал и назревавший, как мы видели, в ходе 1960-х годов кризис идентичности американской политической науки, получивший свою легитимацию в провозглашенной Д. Истоном в 1969 году «новой революции в политической науке». Так, свое обращение к очередному съезду Американской ассоциации политической науки именно с таким названием – «Новая революция в политической науке» – ее президент Д. Истон начинает словами о том, что «в американской политической науке полным ходом идет новая революция. Последняя революция – бихевиорализм – едва ли закончилась к тому моменту, как стала терять свое значение ввиду нарастающих социальных и политических кризисов нашего времени. Внутри нашей дисциплины мы ощущаем себя в тисках нового конфликта, возникшего под влиянием этих кризисов. Этот новый недавний вызов направлен против нарастающей бихевиоральной ортодоксии. Этот вызов я буду называть пост-бихевиоральной революцией» [Easton, 1969, p. 1051]. Важнейшими из сформулированных им здесь тезисов, составляющих, по его мнению, содержание «Кредо релевантности» политической науки, являются утверждения о том, что суть проблемы должна предшествовать технике ее исследования,

что бихевиоральная наука содержит в себе идеологию эмпирического и, как следствие, социального консерватизма, что бихевиоральное исследование по необходимости теряет связь с реальностью, что изучение и конструктивная разработка ценностей является составной частью изучения политики [Easton, 1969, p. 1052]. Он утверждает здесь также, что члены научного сообщества несут ответственность за практическое применение их знаний, что знать – значит действовать, что политизация профессии политолога не только неизбежна, но и желательна. «Как таковое, – пишет он, – это кредо обозначает значимые характеристики постбихевиоральной революции, которая разворачивается сегодня» [Easton, 1969, p. 1051].

Вместе с тем, как пишет в своей книге «Трагедия политической науки» Дэвид Риччи, «постбихевиорализм возник в политической науке как явление, название которого – так же, как и контркультуры – обозначало скорее разделяемое намерение избавиться от чего-то, чем общее представление о направлении, в котором следует развиваться этой научной дисциплине» [Ricci, 1984, p. 189]. Несмотря на очень точную, убедительную аргументацию Д. Истона в его президентском послании в пользу обретения политической наукой большей политической значимости при сохранении и развитии ее научной состоятельности, большинством американских политологов оно было воспринято как набор фантазий или даже пагубных рекомендаций. Неудивительно поэтому мнение Хайнца Эулау о том, что постбихевиоральной революции в американской политической науке фактически не было, хотя и до сих пор последнюю треть прошлого века и даже наше время принято называть постбихевиоральной фазой развития политической науки [Eulau, 1981, p. 189].

Сам же Истон оценивал ситуацию в политической науке 1970–80-х годов следующим образом: «С падением доверия к предмету и методам бихевиорализма внезапно была утрачена и точка опоры дисциплины. Политологи получили возможность двигаться во множестве новых направлений, экспериментировать с большим числом методов и предметов исследования. В итоге дисциплина раздробилась на множество содержательных и методологических фрагментов. Преобладающим последствием этой фрагментации стало глубинное чувство утраты цели и направления развития политической науки» [Easton, 1997, p. 17]. Именно в этот период очередной утраты, кризиса идентичности политической науки в середине 1980-х – начале 1990-х годов появился целый ряд историографических исследований, посвященных истории американской политической науки и призванных так или иначе объяснить причины и отыскать способы преодоления такого кризиса. Это «Трагедия политической науки» Дэвида Риччи 1984 года [Ricci, 1984, p. 334] и «Лишенные иллюзий реалисты» Реймонда Сейдельмана 1985 года издания [Seidelman, 1985, p. 290], теоретический нарратив которых направлен на анализ взаимоотношений между политической наукой и политикой и в особенности на исследование проблемы противоречивой взаимозависимости между целями развития политической науки как научной дисциплины и ее ориентацией на развитие теоретических основ демократии. Это знаменитая статья Габриэля Алмонда 1988 года «Отдельные столики: школы и секты в политической науке» [Almond, 1988], в которой представлен образ американской политической науки, расщепленной по идеологическим и методологическим основаниям. Это антология «Дисциплина и история. Политическая наука в Соединенных Штатах» 1993 года издания [Discipline and History..., 1993], содержащая богатейший набор статей и фрагментов книг, отражающих всю историю современной американской политической науки, а также два сборника статей 1995 года: «Политическая наука и история. Исследовательские программы и политические традиции» [Political Science and History..., 1995] и «Режим и дисциплина. Демократия и развитие политической науки» [Regime and Discipline..., 1995]. Весь этот обширный аналитико-историографический материал явился весьма значимым вкладом в дело осмысления кризиса идентичности политической науки последних десятилетий прошлого, XX века, который к началу нынешнего века обернулся резким усилением и практически диктатом сциентистских тенденций в организации всех сторон деятельности политиче-

ской науки в США. Так, смоделированная по образцу естественных и точных наук, методология политического исследования предполагает здесь отказ от метода интерпретации как «ненаучного» в пользу метода объяснения как способа обнаружения причинно-следственных связей, а значит, и отказ от основных методов большинства социально-гуманитарных наук в пользу методологии на базе теории рационального выбора, формально-статистического моделирования и теории игр с применением все более серьезного математического аппарата. При этом эмпирическая политическая теория, призванная обнаруживать вневременные, внеконтекстные закономерности абстрактного политического процесса, вытесняет из политической науки нормативную политическую теорию и политическую философию. Здесь политика как предмет политической науки лишается большинства важнейших аспектов ее содержания, превращаясь в череду плоских «процессов принятия решений».

Сформировавшийся в американской политической науке такого рода «методологический тоталитаризм», приведший к многочисленным научно-профессиональным и институционально-практическим последствиям, стал причиной нового кризиса идентичности политической науки, отражением которого явилось зарождение в 2000 году и дальнейшее развитие мощного движения американских политологов, присвоившего себе имя *Perestroika*. Один из его лидеров и идеологов, профессор Индианского университета Грэг Казса, следующим образом определил базовые принципы этого движения: содержание и смысл реальных политических проблем должны быть первичными и приоритетными по отношению к методам их исследования; в политической науке необходим реальный методологический плюрализм; не только социальные, но и гуманитарные и естественные науки должны составлять широкую междисциплинарную базу исследования политики. Такого рода политическую науку он называет «экуменической» и полагает ее призванной объединить исследователей, применяющих различные методы и подходы для изучения наиболее важных политических проблем как эмпирико-практического, так и нормативного характера. Все вопросы формирования научно-педагогических кадров, составления программ обучения будущих политологов и принятия научных статей к публикации он предлагает решать на основе принципов методологического плюрализма. Для этого он полагает необходимым вернуть политической философии ее прежний статус центра политических исследований для того, чтобы смысл и цели политической жизни вновь стали бы нашими общими фокусными понятиями; отказаться от практики ограничения методологической подготовки студентов-политологов лишь пределами дедуктивной теории и количественных исследований и включить в такую подготовку все многообразие качественных методов изучения политики; утвердить в деятельности научно-политологических журналов и профессионально-политологических ассоциаций приоритет важности и сущности политических проблем по отношению к методам и подходам к их изучению [Kazsa, 2001, p. 599].

Эти требования нашли отражение в деятельности членов и сторонников движения *Perestroika* в рамках Американской ассоциации политической науки и кафедр политической науки университетов и колледжей и получили свое обоснование и развитие в многочисленных публикациях, посвященных этому движению. В 2005 году была опубликована обширная коллективная монография «Перестройка! Шумное восстание в политической науке» [Perestroika!..., 2005], в которой и сторонники, и оппоненты этого движения проанализировали различные аспекты кризиса идентичности политической науки начала XX века, усматривая в деятельности движения *Perestroika* во многом те же мотивы, что и в деятельности «Движения за новую политическую науку» около 40 лет тому назад.

В 2010 году журналом «PS: Political Science and Politics» был проведен научный симпозиум «Perestroika в политической науке: прошлое, настоящее и будущее» [Symposium], а в 2015 подобный симпозиум [Reflections, 2015] был проведен журналом «Perspectives on Politics», созданный еще в начале века по требованию членов движения *Perestroika*. Оба симпозиума пришли к выводу, что хотя теоретическая и практическая де-

тельность участников движения *Perestroika* и не оказала значительного влияния на обнаруживаемые в американской политической науке кризисные явления, но, безусловно, способствовала их более адекватной интерпретации.

При этом значимым инструментом анализа таких кризисных явлений служит история современной политической науки, интерпретируемая как история поиска ее идентичности, поскольку, как справедливо полагает американский политолог Джеймс Фарр, «идентичность дисциплины – и необходимого ей политического образования – в большой степени зависит от ее истории [Sabia; Farr, 1984; Dryzek, Leonard, 1988]. То есть идентичность дисциплины и образования в ней зависят как от ее прошлого, так и от того, как это прошлое излагается. В свою очередь, то, как дисциплина истолковывает и усваивает свою историю как свое прошлое и как ее изложение, имплицитным образом связано с тем, как она оценивает свою нынешнюю идентичность, ее образовательные практики и ее будущие перспективы. Подобно людям, дисциплины обнаруживают и формируют свою идентичность в своей истории и посредством своей истории. Это так, даже когда эта идентичность обнаруживается в контексте следующих друг за другом кризисов» [Farr, 1990, pp. 1027–1028].

Список литературы

1. Патцельт В.Д. 2018. Переживает ли политическая наука кризис? Политическая наука, 1: 68–92.
2. Almond G.A. 1988. *Separate Tables: Schools and Sects in Political Science*. PS: Political Science and Politics, Vol. 21. No. 4: 828–841.
3. *Apolitical Politics: A Critique of Behavioralism*. 1967. Ed. by Ch. McCoy, J. Playford. New York, Thomas Y. Crowell Company, 246.
4. Barrow C.W. 2008. Political Science. In: *International Encyclopedia of the Social Sciences*. 2nd Edition. Vol. 6. Ed. by William A. Darity, Jr. Detroit, Michigan: Macmillan Reference: 570–586.
5. Dahl R. 1961. The Behavioral Approach in Political Science: Epitaph for a Monument to a Successful Protest. *American Political Science Review*, 55 (4): 763–772.
6. *Discipline and History. Political Science in the United States*. 1993. Ed. by J. Farr, R. Seidelman. Ann Arbor: The University of Michigan Press: 427.
7. Dryzek J.S., Leonard. S. 1988. History and Discipline in Political Science. *American Political Science Review*, 82 (4): 1245–1260.
8. Easton D. 1965. *A Framework for Political Analysis*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc.: 143.
9. Easton D. 1969. The New Revolution in Political Science. *The American Political Science Review*, 63 (4): 1051–1061.
10. Easton D. 1993. Political Science in the United States: Past and Present. In: *Discipline and History: Political Science in the United States / James Farr and Raymond Seidelman (eds.)*. Ann Arbor, Michigan: The University of Michigan Press: 291–309.
11. Easton D. 1997. The Future of Postbehavioral Phase in Political Science. In: *Contemporary Empirical Political Theory* (ed. by Kristen Renwick Monroe). Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press: 13–46.
12. *Essays on the Scientific Study of Politics*. 1962 / ed. by H. Storing. New York, Holt, Rinehart and Winston, 333.
13. Eulau H. 1981. Foreword: On Revolutions That Never Were. In: *The Handbook of Political Behavior / ed. by S.I. Long*. New York, Plenum Press, 1981: VII–XV.
14. Farr J. 1990. Francis Lieber and the Interpretation of American Political Science. *The Journal of Politics*, 52 (4): 1027–1049.
15. Farr J. 1988. The History of Political Science. *American Journal of Political Science*, 32 (4): 1175–1195.
16. Kazsa G. 2001. *Perestroika: For an Ecumenical Science of Politics*. PS: Political Science and Politics, 34 (3): 597–600.
17. Merriam Ch.E. 1925. *The New Aspects of Politics*. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 253.

18. Monroe K., Almond, G., Gunnell, J., Shapiro, I., Graham, G., Barber B., Shepsle, K., Cropsey, J. 1990. The Nature of Contemporary Political Science: A Roundtable Discussion. *PS: Political Science and Politics*, 23 (1): 34–43.
19. Parenti M. 1983. The State of the Discipline: One Interpretation of Everyone's Favorite Controversy. *PS*. 16 (2): 189–196.
20. Perestroika! The Raucous Rebellion in Political Science. 2005. Ed. by K. Monroe. New Haven; London: Yale University Press, 587.
21. Political Science in History. Research Programs and Political Traditions. 1995. Ed. by J. Farr, J. Dryzek, S. Leonard. Cambridge, Cambridge University Press, 365.
22. Reflections Symposium. 2015. *Perspectives on Politics*, 13 (2): 408–430.
23. Regime and Discipline. Democracy and the Development of Political Science. 1995. Ed. by D. Easton, J. Gunnell, M. Stein. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 195.
24. Ricci D. 1984. The Tragedy of Political Science. Politics, Scholarship, and Democracy. New Haven; London, Yale University Press, 335.
25. Sabia D. 1984. Political Education and the History of Political Thought. *American Political Science Review*, 78 (4): 985–999.
26. Seidelman R. (with assistance of Edward J. Harpham). 1985. Disenchanted Realists: Political Science and The American Crisis, 1884–1984. Albany, N. Y., State University of New York Press, 295.
27. Symposium «Perestroika in Political Science: Past, Present, and Future». 2010. *PS: Political Science and Politics*, 43 (4): 725–754.
28. The World of Political Science. 2012. A Critical Overview of the Development of Political Studies around the Globe: 1990–2012. Ed. by J. Trent, M. Stein. Opladen; Berlin; Toronto, Barbara Budrich Publishers, 188.
29. Waldo D. 1975. Political Science: Tradition, Discipline, Profession, Science, Enterprise. In: *Handbook of Political Science, Vol.1: Political Science: Scope and Theory*. Ed. by F.I. Greenstein, N.W. Polsby. Reading, Massachusetts: Allison Wesley Publishing Company: 1–130.
30. Wilson W. 1911. The Law and the Facts: Presidential Address, Seventh Annual Meeting of the American Political Science Association. *American Political Science Review*, 5 (1): 1–11.

References

1. Patzelt W.D. 2018. Does political science survive the crisis? *Politicheskaya nauka*. 1: 68–92.
2. Almond G.A. 1988. Separate Tables: Schools and Sects in Political Science. *PS: Political Science and Politics*, Vol. 21. No. 4: 828–841.
3. *Apolitical Politics: A Critique of Behavioralism*. 1967. Ed. by Ch. McCoy, J. Playford. New York, Thomas Y. Crowell Company, 246.
4. Barrow C.W. 2008. Political Science. In: *International Encyclopedia of the Social Sciences*. 2nd Edition. Vol. 6. Ed. by William A. Darity, Jr. Detroit, Michigan: Macmillan Reference: 570–586.
5. Dahl R. 1961. The Behavioral Approach in Political Science: Epitaph for a Monument to a Successful Protest. *American Political Science Review*, 55 (4): 763–772.
6. Discipline and History. Political Science in the United States. 1993. Ed. by J. Farr, R. Seidelman. Ann Arbor: The University of Michigan Press: 427.
7. Dryzek J.S., Leonard. S. 1988. History and Discipline in Political Science. *American Political Science Review*, 82 (4): 1245–1260.
8. Easton D. 1965. A Framework for Political Analysis. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc.: 143.
9. Easton D. 1969. The New Revolution in Political Science. *The American Political Science Review*, 63 (4): 1051–1061.
10. Easton D. 1993. Political Science in the United States: Past and Present. In: *Discipline and History: Political Science in the United States / James Farr and Raymond Seidelman (eds.)*. Ann Arbor, Michigan: The University of Michigan Press: 291–309.
11. Easton D. 1997. The Future of Postbehavioral Phase in Political Science. In: *Contemporary Empirical Political Theory* (ed. by Kristen Renwick Monroe). Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press: 13–46.
12. *Essays on the Scientific Study of Politics*. 1962 / ed. by H. Storing. New York, Holt, Rinehart and Winston, 333.

13. Eulau H. 1981. Foreword: On Revolutions That Never Were. In: *The Handbook of Political Behavior* / ed. by S.I. Long. New York, Plenum Press, 1981: VII–XV.
14. Farr J. 1990. Francis Lieber and the Interpretation of American Political Science. *The Journal of Politics*, 52 (4): 1027–1049.
15. Farr J. 1988. The History of Political Science. *American Journal of Political Science*, 32 (4): 1175–1195.
16. Kazsa G. 2001. Perestroika: For an Ecumenical Science of Politics. *PS: Political Science and Politics*, 34 (3): 597–600.
17. Merriam Ch.E. 1925. *The New Aspects of Politics*. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 253.
18. Monroe K., Almond, G., Gunnell, J., Shapiro, I., Graham, G., Barber B., Shepsle, K., Cropsy, J. 1990. The Nature of Contemporary Political Science: A Roundtable Discussion. *PS: Political Science and Politics*, 23 (1): 34–43.
19. Parenti M. 1983. The State of the Discipline: One Interpretation of Everyone's Favorite Controversy. *PS*. 16 (2): 189–196.
20. *Perestroika! The Raucous Rebellion in Political Science*. 2005. Ed. by K. Monroe. New Haven; London: Yale University Press, 587.
21. *Political Science in History. Research Programs and Political Traditions*. 1995. Ed. by J. Farr, J. Dryzek, S. Leonard. Cambridge, Cambridge University Press, 365.
22. Reflections Symposium. 2015. *Perspectives on Politics*, 13 (2): 408–430.
23. *Regime and Discipline. Democracy and the Development of Political Science*. 1995. Ed. by D. Easton, J. Gunnell, M. Stein. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 195.
24. Ricci D. 1984. *The Tragedy of Political Science. Politics, Scholarship, and Democracy*. New Haven; London, Yale University Press, 335.
25. Sabia D. 1984. Political Education and the History of Political Thought. *American Political Science Review*, 78 (4): 985–999.
26. Seidelman R. (with assistance of Edward J. Harpham). 1985. *Disenchanted Realists: Political Science and The American Crisis, 1884–1984*. Albany, N. Y., State University of New York Press, 295.
27. Symposium «Perestroika in Political Science: Past, Present, and Future». 2010. *PS: Political Science and Politics*, 43 (4): 725–754.
28. *The World of Political Science*. 2012. *A Critical Overview of the Development of Political Studies around the Globe: 1990–2012*. Ed. by J. Trent, M. Stein. Opladen; Berlin; Toronto, Barbara Budrich Publishers, 188.
29. Waldo D. 1975. Political Science: Tradition, Discipline, Profession, Science, Enterprise. In: *Handbook of Political Science, Vol.1: Political Science: Scope and Theory*. Ed. by F.I. Greenstein, N.W. Polsby. Reading, Massachusetts: Allison Wesley Publishing Company: 1–130.
30. Wilson W. 1911. The Law and the Facts: Presidential Address, Seventh Annual Meeting of the American Political Science Association. *American Political Science Review*, 5 (1): 1–11.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Корюшкин А.И. 2019. Феномен кризиса идентичности американской политической науки в ее дискурсе и историографии. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: История. Политология, 46(4): 754–765. DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-754-765

Koryushkin A.I. 2019. The phenomenon of identity crisis of American political science in its discourse and historiography. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science*, 46(4): 754–765 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-754-765